

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются труды дореволюционных российских учёных, посвящённые истории реформ, проводившихся просвещёнными монархами. Взгляды исследователей можно отнести к различным оттенкам либерализма. Все они придерживались методологии классического позитивизма. Реформы просвещённого абсолютизма и буржуазная социальная революция были, по их мнению, явлениями, порождёнными одним комплексом экономических, социальных и идеологических причин.

Ключевые слова: *просвещение XVIII века, политика просвещённого абсолютизма, дореволюционная отечественная историография, "Русская школа", историки - позитивисты.*

V.S. Antipov

RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF ENLIGHTENED ABSOLUTISM IN FOREIGN COUNTRIES

In the article the author analyzes and compares Russian pre-revolutionary scholars' works on the history of the reforms which were implemented by enlightened monarchs in European countries. Views of historians can be described as various shades of liberalism. All of them followed the classical positivism methodology. In their point of view enlightened absolutism reforms and bourgeois social revolution were the phenomena generated by the same economic, social and ideological causes.

Key words: *enlightenment, enlightened absolutism, Russian pre-revolutionary historiography, "Russian school", historical positivism.*

Начальный этап освоения российским общественным мнением реформ просвещённого абсолютизма в зарубежных странах приходится на царствование Екатерины II. Просвещённая монархиня, стремясь овладеть общественным мнением в России и за рубежом, уже в начальный период правления широко открыла двери для публикации переводов текстов умеренного крыла просветителей - проповедников доктрины просвещённого абсолютизма (Ш.Л. Монтескьё, Вольтера, энциклопедистов). Информация о реформах, близких к тем, которые намечала сама императрица, свободно проникали в Россию через дворян, выезжавших за границу, студентов, обучающихся в зарубежных университетах, сообщения дипломатов. В правящих кругах русского общества, среди дворянской интеллигенции было широко распространено положительное отношение к заграничным реформам и реформаторам. С зарубежными экспериментами связывались надежды и на аналогичные преобразования в России. Только в конце екатерининского века мы встречаемся со скептическим отношением к реформам просвещённого абсолютизма. Наиболее ярко новое отношение прослеживается в сочинениях А. Н. Радищева, склонявшегося к тому, что абсолютизм, в том числе и его "просвещённый" вариант, по самой своей природе порочны.

В первой четверти XIX века интерес русской общественности к деятельности зарубежных просвещённых реформаторов, столь ярко проявлявшийся в "екатерининский век", быстро угасает. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, реформы просвещённого абсолютизма в Европе в последнее десятилетие предшествующего столетия были свернуты. Во-вторых, внимание российских правящих кругов и общественности сосредоточилось на событиях Французской революции, а затем наполеоновских войн. В-третьих, для этого времени характерен скепсис

ко всему связанному с Просвещением, поскольку цели, провозглашавшиеся им, оказались в ходе бурных событий конца XVIII - начала XIX века неосуществимыми и скомпрометированными. Вместо царства "свободы, равенства и братства" Европа получила террор в годы Французской революции, а затем захватнические наполеоновские войны. Одним из результатов осмысления общественным сознанием этих потрясений стала смена господствующей парадигмы исторической мысли. Возник и утвердился консервативный романтизм (Э. Бёрк, Ж. де Местр, "историческая школа права"), отрицающий идеалы Просвещения, оценивающий их как разновидность утопического мышления. Шло активное идеологическое наступление на идейное наследие Просвещения, в том числе, и на доктрину просвещенного абсолютизма. Отвергалось фундаментальное для нее положение о возможности рационалистического строительства человеческого общества. Просветительские проекты общественных преобразований Бёрк называл "варварской и механической философией", "которая является плодом холодных сердец и порочных представлений" [5, с. 115]. В-четвертых, идеи абсолютизма в любых его формах подвергались все большей критике. Широко распространялась мысль о независимости исторического процесса от воли монархов, пусть даже и просвещенных. В этом отношении характерно негативное отношение декабристов и их окружения к Н. М. Карамзину, возлагавшему надежды на просветительскую деятельность монархов, подобных Петру I [19, с. 333 - 336]. Показательна запись молодого А.С. Пушкина, полностью отрицающая что-либо положительное в деятельности Екатерины II: "Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости" [24, с. 15 - 16].

В царствование Николая II в исторической мысли насаждалась теория "официальной народности" министра народного просвещения С.С. Уварова. Ее составной частью было положение об исконной самобытности исторического пути России, полном различии государственных оснований ее и стран Западной Европы. Исторические работы, посвященные зарубежной политике просвещенного абсолютизма, в России не публиковались, историков, специализирующихся на этой проблематике не было. Связано это и с тем, что вплоть до 1860-х годов в высшей школе изучение зарубежной истории заканчивалось на Реформации. Согласно уваровской концепции, плодотворным могло быть изучение и преподавание только более ранних периодов истории, в которых уже в законченном виде "видны цели Провидения". Что касается истории после Реформации, то она не более чем "отрывок, а не целое. Таинственное направление происшествий скрыто от глаз наших" [1, с. 239]. Гимназические учебники (И.К. Кайданова, С.Н. Смарagdova, Ф.К. Лоренца) так же не добирались до событий XVIII века. Сам термин "просвещенный абсолютизм" являлся неприемлемым в системе образования, построенной на уваровской триаде "самодержавие, православие, народность".

Из исторических публикаций николаевского времени можно отметить только одну, посвященную зарубежным реформам просвещенного абсолютизма. В 1844 году была издана книга русского писателя и историка Ф.А. Кони (1809 - 1879) "История Фридриха Великого", рассказывавшая о жизни одного из самых ярких просвещенных реформаторов [15]. Это популярное, рассчитанное на массового читателя издание, содержавшее большой фактический материал. Книга носила компилятивный характер по отношению к трудам предшествующих прусских историков. Автор идеализировал личность Фридриха II, его взаимоотношения с подданными, в этом ключе написаны и страницы, посвященные внутренней политике короля, реформам просвещенного абсолютизма.

Настоящий прорыв в знакомстве новых поколений русского общества с политикой просвещенного абсолютизма за рубежом произошел в годы начала реформ Александра II. Стремясь обосновать необходимость и неизбежность реформ в России, правительство начало проводить политику "гласности", широко открыло возможности для распространения сведений о зарубежных реформах и реформаторах прошлого.

Становится возможным перевод исследований зарубежных авторов, посвященных политике просвещенного абсолютизма. Уже в 1858 - 60 годах выходит в свет восьмитомный труд видного немецкого историка Ф. К. Шлоссера (1776 - 1861) "История XVIII столетия", впервые

изданный на немецком языке еще в 1823 году. Несколько позже публикуется его же "Всемирная история" [31]. Одним из переводчиков этих работ был Н. Г. Чернышевский, ему же принадлежал и комментарий. Шлоссер - наиболее известный ученый Гейдельбергской либеральной исторической школы. В противоположность консервативным романтикам либеральные историки высоко оценивали Просвещение XVIII века. Государственная деятельность просвещенных монархов и их министров ("монархические революции") рассматривалась Шлоссером как важнейшая движущая сила исторического процесса. В направляемой сверху политике реформ, историк видел один из путей преодоления разложения, охватившего в XVIII веке нравственную и политическую жизнь европейских стран [30, с. 181]. Либеральный историк высоко оценивал юридические и крестьянские реформы. Его симпатии на стороне реформаторов, ликвидирующих орден иезуитов, изымающих земли у монастырей. Он полностью одобряет решительные меры Иосифа II, запретившего деятельность нищенствующих орденов, что "прекратило моральное влияние тунеядцев, державших народ в невежестве, лености, бессмыслии и фанатизме своими процессиями" [30, с. 177].

В то же время просвещенные реформаторы (особенно Иосиф II) осуждались Шлоссером за авторитарные методы проведения преобразований, взгляд на народ, как на пассивную массу. Учитывая опыт Франции конца XVIII века, Шлоссер приходит к выводу, что в полном объеме реформы просвещенного абсолютизма "нельзя было совершить без революции, производимой при содействии народа" [30, с. 181]. Мария-Терезия, Иосиф II, Фридрих II, Тюрго изображались немецким историком как выдающиеся государственные деятели, стремившиеся продвинуть свои страны по пути прогресса, ограничивавшие привилегии дворянства и духовенства, заботившиеся о социальных низах. "Тюрго, - пишет Шлоссер, - принадлежит к тем отрадным явлениям в истории, которые примиряют нас с человечеством" [30, с. 203]. Книга содержит яркие личностные характеристики деятелей эпохи. Решающую роль в их оценке играет нравственный облик, моральные качества. Фридрих II, Тюрго преисполненные благородных намерений, явно идеализируются и, наоборот, к королю Швеции Густаву III автор относится недоброжелательно из-за его интриганства, постоянного нарушения взятого слова. Внимание Шлоссера сосредоточено преимущественно на событиях политической и духовной жизни, экономике внимания почти не уделяется. Долгое время труд Шлоссера был для русского читателя главным источником сведений по истории просвещенного абсолютизма.

В 1861 году впервые сведения о реформах просвещенного абсолютизма появляются в гимназическом учебнике, опубликованном киевским ученым и педагогом, экстраординарным профессором университета Виталием Яковлевичем Шульгиным (1822 - 1879) [32]. Руководствуясь принципом "как можно менее голых чисел, безличных имен и как можно более живых людей", Шульгин ввел в текст яркие исторические портреты реформаторов эпохи просвещенного абсолютизма: Марии-Терезии, Иосифа II, Фридриха Великого. В учебник были включены отрывки из их сочинений, трудов иностранных историков, рассказывающие о замыслах, ходе и последствиях реформ. Он насыщен информацией по истории экономики, науки и культуры. Впоследствии учебник Шульгина неоднократно переиздавался, вплоть до 1898 года.

После выхода книги Шульгина вплоть до 1917 года информация о реформах просвещенного абсолютизма, так или иначе, в разных объемах, с разными оттенками в оценках присутствовала в большинстве гимназических учебников по истории зарубежных стран нового времени (Н.И. Кареева, Р.Ю. Виппера, А.С. Трачевского, П.Г. Виноградова, И.П. Реверсова).

Решительно меняется ситуация и в высшей школе. В конце 1850-х - начале 1860-х годов в университетах появляются кафедры новой истории, к семидесятым годам зарубежная история XVIII века прочно входит в их учебные программы. Обстановка, сложившаяся в духовной жизни страны в ходе начавшихся реформ Александра II, способствовала исследовательской работе российских ученых по проблемам просвещенного абсолютизма, активно продолжавшейся вплоть до 1917 года.

Назовем авторов важнейших исследований, посвященных политике просвещенного абсолютизма.

Основной сферой интересов С.М. Соловьева (1820 - 1879) была отечественная история. В то же время он неоднократно обращался к сюжетам, связанным с прошлым зарубежных стран Европы, читал специальный "Курс новой истории" (впервые издан в 1869 - 73 годах). В нем он затрагивал и тему начала реформ просвещенного абсолютизма, доводя изложение событий до середины XVIII века. Рассматривая в последних разделах курса отдаленные предпосылки Французской революции, Соловьев касался раннего периода реформ просвещенного абсолютизма в Пруссии и Австрии. Эти реформы рассматривались им как составная часть органического процесса развития западноевропейского общества. Исходя из ведущей в его творчестве концепции, согласно которой центральной проблемой исторического процесса является развитие государственности, ученый высоко оценивал реформы просвещенного абсолютизма, считал, что они помогли предотвратить революции в этих странах. Вслед за Гегелем он рассматривал государство как высшее концентрированное достижение прогресса, основное творческое начало в истории, ее главную движущую силу, выражающую интересы всего народа. Соловьев писал: "Во второй половине XVIII века на новые движения в литературе и обществе откликнулись три монарха: Екатерина II в России, Фридрих II в Пруссии, Иосиф II в Австрии. Во Франции правительство не сумело удержать в своих руках направление преобразовательного движения - и следствием был страшный переворот, взволновавший всю Европу" [25, с. 203]. По мнению историка, в Польше слишком поздно начатые по примеру других государств реформы просвещенного абсолютизма только убыстрили распад государства. "Что бывает спасительно для крепких организмов, то губит слабые, и попытка преобразования только ускорила падение Польши" [26, с. 86]. "Правительственные лица", в том числе и просвещенные монархи, являлись, согласно Соловьеву, "представителями народа", выражавшими назревшую в обществе готовность к переменам [27, с. 335].

Значительные материалы по истории политики просвещенного абсолютизма, блестящие характеристики реформаторов были включены в первое российское руководство для студентов высшей школы, подготовленное профессором Харьковского университета, либеральным историком М.Н. Петровым (1826 - 1887) [21].

Профессор Петербургского университета В. В. Бауэр (1833 - 1884) освещал политику просвещенного абсолютизма в курсе "История Западной Европы в XVIII столетии (дореволюционная эпоха)" [16]. Автор стремился показать историческую обусловленность и прогрессивность реформ просвещенного абсолютизма, высоко оценивал роль французской просветительской литературы в их подготовке. Среди просвещенных монархов Бауэр особенно выделял Фридриха II, по мнению историка, образца разумной умеренности и вместе с тем твердости в проведении реформ, заложивших фундамент объединения Германии в XIX веке под эгидой Пруссии. В рассказе о военных конфликтах Пруссии и Австрии все симпатии Бауэра на стороне государства Фридриха II, олицетворявшего будущее Германии. Наоборот, политика Марии-Терезии и Иосифа II, как считал ученый, была не в силах преодолеть традиции прошлого, что, в конечном итоге, определило неспособность Австрии выступить в роли объединителя немецких государств.

Проблемы политики просвещенного абсолютизма затрагивал в своих трудах профессор Московского университета, выдающийся русский историк В.И. Герье (1837 - 1919). Докторская диссертация Герье легла в основу первой русской монографии по зарубежной новой истории "Лейбниц и его век" (1868 год, вторая часть "Отношение Лейбница к России и Петру Великому" опубликована в 1871 году), написанной на основе изучения документов зарубежных архивов [8]. В ней он относил раннюю границу политики просвещенного абсолютизма в зарубежных европейских странах и России к концу XVII - началу XVIII века.

Герье много лет читал курс "Новая история". Текст этих лекций опубликован [9]. В них автор говорил о решающей роли идей в формировании политики просвещенного абсолютизма. Политические, религиозные, юридические, экономические, философские идеи представлялись ему важнейшей и решающей силой развития общества. Историка особенно интересовало зарождение доктрины просвещенного абсолютизма, духовная атмосфера, вызвавшая ее к жизни. Ученый сосредотачивался на духовных поисках мыслителей Просвещения, их идеях, роли в

формировании общественного сознания кануна реформ [7]. Герье сетовал, что французская монархия остановилась в борьбе с феодализмом, отказалась использовать методы "просветительского деспотизма" [20, с. 482]. Ученый считал возможным предотвращение революции, если бы во главе Франции XVIII столетия оказались не Бурбоны, а просвещенные монархи масштаба Петра I [13, с. 74].

Неудачные попытки начала реформ просвещенного абсолютизма во Франции обязательно затрагивались в трудах российских историков, посвященных ее истории в XVIII веке. Одесский учёный Г.Е. Афанасьев (1848 - ?) опубликовал две монографии, рассматривавшие неудачные попытки французских реформаторов, в частности физиократа А.Р. Тюрго, ввести свободу хлебной торговли [3, 4]. В основе проведенного историком тщательного анализа движения цен на хлеб, их зависимости от экономической конъюнктуры и меняющейся политики властей, лежали данные французских архивов.

Результатом длительной работы во французских провинциальных и парижском архивах стала диссертация профессора Киевского университета П.Н. Ардашева (1865 - 1924), посвященная деятельности французской бюрократии [2]. Источниковую базу работы составила неизданная административная переписка провинциальных интендантов с парижскими инстанциями, отчеты, посылаемые ими в столицу. Ардашев положительно оценивал просвещенную бюрократию дореволюционной Франции, защищая деятельность королевских чиновников от критики последующих историков, в частности А. Токвиля. В политическом отношении Ардашев придерживался консервативных националистических позиций, являлся сторонником осторожного постепенного обновления российской монархии в духе программы октябристов. Это сказалось и на теоретических выводах автора, весьма критически относящегося к французской революции, разрушившей, по его мнению, в целом эффективно работавший механизм прежнего государственного управления.

Преобладающая часть исследований по проблемам просвещенного абсолютизма за рубежом последней трети XIX - начала XX века принадлежала историкам "Русской школы". Назовём наиболее важные из их трудов.

В 1892 - 94 годах было опубликовано первое четырехтомное издание фундаментальной "Истории Западной Европы в новое время" Н.И. Кареева (1850 - 1931). В третьем томе, посвященном XVIII веку, подробно рассказывалось о реформах просвещенного абсолютизма в различных европейских странах [10].

Регулярно публиковал материалы по истории крестьянских реформ во второй половине XVIII века профессор Киевского университета И.В. Лучицкий (1845 - 1918) [17].

Видный либеральный историк, специалист по истории нового времени М.М. Ковалевский (1851 - 1916) специально проблемами просвещенного абсолютизма не занимался. Но сюжеты к ним относящиеся постоянно возникают в фундаментальных работах Ковалевского, связанных с исследованием "поворотных моментов" в истории Западной Европы [14]. Главное внимание ученого сосредоточено на изучении событий кануна французской революции, в том числе и неудачных попыток начать реформы просвещенного абсолютизма.

Исключительный вклад в изучение австрийской модели просвещенного абсолютизма внес П.П. Митрофанов (1873 - 1917), ученик Н.И. Кареева, приват-доцент Петербургского университета. Его монографии стали последними крупными дореволюционными публикациями, посвященными проблемам просвещенного абсолютизма [18]. Монография, посвященная Иосифу II, была переведена на немецкий язык и до сих пор широко используется специалистами.

Попытаемся выделить общие подходы названных ученых "Русской школы" к проблемам истории политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах

Историки работали в специфических условиях предреволюционной российской действительности, что, естественно, накладывало значительный отпечаток на трактовку ими проблем прошлого. Их взгляды можно отнести к различным оттенкам либерализма. Все они были наследниками "западников" и считали, что Россия со времён Петра I в общих чертах повторяла путь, пройденный западноевропейскими государствами. Этот подход распространялся и на интер-

претацию реформ просвещенного абсолютизма. Реформы Екатерины II трактовались ими как зримая иллюстрация единства пути европейских стран, в том числе и России. Они исходили из постулата, что в восемнадцатом столетии нормальным являлся эволюционный, постепенный путь развития, основанный на союзе государственной власти и просветителей. Согласно им, только реформы, своевременно разрешавшие накопившиеся в обществе противоречия, открывавшие дорогу глубинным объективным процессам нарастания буржуазных отношений внутри феодального общества, являлись оптимальным путем преобразований. В текстах, посвященных политике просвещенного абсолютизма, прослеживаются рекомендации российским властям своевременно начать проведение реформ.

В трудах историков постоянно проскальзывал скептицизм по отношению способности абсолютных монархий к проведению подлинно глубоких реформ без участия представительных органов. Ковалевский, негативно оценивая деятельность монархических кругов Франции в предреволюционные десятилетия, писал о нереализованной ими возможности соединения традиционного монархического начала с народным представительством, постепенного перерастания абсолютизма в конституционную монархию, возникновения "народной монархии" [14, т. 1, с. VIII].

Историки осуждали авторитарные и патерналистские методы проведения реформ. Постоянно (скрыто или открыто) в их трудах возникала мысль, что просвещенные монархи, не привлекая к сотрудничеству представителей населения, неизбежно ограничивали социальную базу реформ и их результативность. Одновременно встречались только положительные оценки редких попыток просвещённых реформаторов (Тюрго, великого герцога Тосканского Леопольдо) создать представительные органы.

Историки "Русской школы" - исследователи политики просвещенного абсолютизма придерживались методологии классического позитивизма. Методология исторического материализма не оказала на их труды сколько-нибудь значительного влияния. Этому способствовало и то, что К. Маркс и Ф. Энгельс специально проблемами истории просвещенного абсолютизма не занимались. Они его интерпретировали просто, как способ предотвратить буржуазную революцию, единственно способную радикально преобразовать феодальное общество в капиталистическое. В то же время, несомненно, с влиянием марксизма связан повышенный интерес исследователей "Русской школы" к экономической политике просвещенного абсолютизма, ее влиянию на социальные и политические стороны общественной жизни.

Противопоставляя реформы просвещенного абсолютизма социальным революциям, ученые постоянно напоминали о постепенности, непрерывности и преемственности в историческом процессе, медленном накоплении изменений. Присутствие в истории революций, скачкообразных изменений, "критических эпох" как их называл Кареев, разумеется, не отрицалось [11, с. 279]. Однако они рассматривались как нарушение естественного эволюционного хода истории, влекущее опасные и разрушительные последствия. Они неоднократно возвращались к мысли, что действительно прочные прогрессивные изменения в обществе всегда происходили исподволь, шаг за шагом, и в то же время неизбежно, органично и закономерно. Историки начинали разговор о политике просвещенного абсолютизма издалека, подробно рассказывали о ее отдалённых предпосылках и завершали рассказ о реформах подробным изложением их влияния на последующие события. Прослеживался отказ от попыток определить жесткие хронологические границы политики просвещенного абсолютизма. Историки использовали сравнительно-исторический подход, соблюдали принцип синхронности, взаимосвязанности, взаимозависимости, взаимообусловленности, взаимовлияния общественного развития в отдельных странах. Например, Кареев и Митрофанов прослеживали влияние прусских реформ Фридриха II на реформы Марии-Терезии и Иосифа II в Австрии, показывали, какой опыт оказался подходящим для Австрии (военная и школьная реформы) и что приходилось отбрасывать, что оказывалось непригодным вследствие особенностей усваивающей страны.

Учёные "Русской школы" при изучении политики просвещенного абсолютизма выдвигали в качестве ведущих различные факторы. И.В. Лучицкий в работах, посвященных крестьянским реформам, первенствующее значение придавал социально-экономическим факторам. В

труде Кареева "История Западной Европы в новое время" ведущими факторами при анализе реформ просвещенного абсолютизма являлись идейно-политическое развитие, реализация роли государства, развитие личного (индивидуалистического) начала, освобождение личности от религиозного и политического гнета [10, т. 3, с. 12 - 14].

Все историки "Русской школы" указывали на огромную роль государства в формировании политики просвещенного абсолютизма. Для них характерен постоянный интерес ко всему, что связано с историей государства: вопросам организации центральной и местной власти, функционирования учреждений, законодательству. Много внимания уделялось проведению просвещенными реформаторами административных, судебных и сословных реформ. История политики просвещенного абсолютизма представляла в их трудах как важнейшая составная часть развития государственного начала. "История просвещенного абсолютизма есть не что иное, как один из моментов развития на Западе Европы государственного начала" [10, т. 3, с. 360]. Государство, по их мнению, являлось главной силой, способной обеспечить эффективное проведение реформ.

Историки "Русской школы" являлись противниками переоценки роли выдающихся личностей в осуществлении политики просвещенного абсолютизма. Если для историков эпохи Просвещения было характерно стремление показать воздействие героя на обстановку, то российские историки, наоборот, акцентировали внимание на влиянии на исторических деятелей условий их времени. Решающая роль в осуществлении преобразований отводилась ими объективным предпосылкам, массовому началу. В их трудах прослеживалась тенденция к стиранию границ между индивидом и средой, в которой он действует. Выдающаяся личность, просвещенный монарх предстал не более, чем выразителем господствующей тенденции общественного развития. В то же время, например, Кареев указывал на необходимость избежать двух крайностей: культ "героев" у Т. Карлейля и полного отрицания роли великих людей у Л.Н. Толстого [12, 849].

В разделах, посвященных биографиям Фридриха II, Иосифа II и других реформаторов многие страницы посвящаются их воспитанию, изложению идей, формировавших мировоззрение, влиянию окружения. Подробно рассказывается, что было до восшествия на престол сделано их предшественниками. С этим же связано и подчеркивание в портретах просвещенных монархов их обыденных черт, человеческих слабостей. Создается впечатление, что "герой", в общем-то, обычный человек просто оказавшийся в русле исторического течения, не столько управляющий потоком событий, сколько следующий вслед за ним.

Проблема провала попыток реформ просвещенного абсолютизма во Франции и, как следствие, развертывание в ней социальной революции чрезвычайно интересовала историков "Русской школы". Своими книгами и курсами лекций историки старались содействовать предотвращению французского сценария XVIII века в России начала XX века. Их труды внушали читателю мысль о преимуществах проведения преобразований в России путем реформ.

Большинство историков считали, что французская революция не была обязательной, не была предопределена действием каких-то объективных законов. Ее вполне можно было бы предотвратить, если бы правящие круги Франции проявили политическую дальновзоркость, гибкость, умение и желание идти на компромиссы, своевременно проводить реформы. Наиболее драматическим эпизодом в борьбе французских консерваторов и реформаторов стал срыв реформ Тюрго. Историки постоянно напоминали, что подлинно глубокие реформы невозможны без уступок имущим неимущим социальным низам. В результате эгоистичной политики двух высших сословий намечаемые реформы каждый раз прерывались на ранних стадиях. В итоге миссию открытия дороги капиталистическим отношениям взяли на себя деятели буржуазной революции. Отвергая в принципе путь революционных преобразований, историки "Русской школы" одновременно считали Французскую революцию важнейшим событием мировой истории, оказавшим огромное воздействие на исторический процесс.

Сильное влияние на дореволюционных российских историков, занимавшихся проблемами политики просвещенного абсолютизма, оказала теория "континуитета" ("преемственности"), разработанная А. Токвилем. Французский мыслитель доказывал, что революция во Франции не была необходимой и обязательной, являлась не разрывом с прошлым, а процессом

преобразований, начатых в предреволюционные десятилетия. Герье писал о книге Токвиля "Старый порядок и революция", где была сформулирована теория континуитета: "Эта идея, без которой невозможны ни настоящее понимание истории Франции, ни значения революции" [6, с. 12].

Не меньшее воздействие, чем Токвиль, на русских историков просвещенного абсолютизма оказали взгляды его продолжателя, другого французского историка - позитивиста А. Сореля. Первый том своего фундаментального труда [28] Сорель посвятил обзору эволюции европейских стран во второй половине XVIII века. По его мнению, события революционной и наполеоновской эпохи в Европе естественно и органично вытекали из эпохи реформ просвещенного абсолютизма в странах Европы, были неразрывно с ними связаны и являлись их продолжением. Более того, реформы просвещенного абсолютизма готовили континентальную Европу к будущим наполеоновским завоеваниям и проводимым в их ходе буржуазным преобразованиям. Этим, в частности, объясняется легкость побед республиканских и наполеоновских армий над монархиями Европы (Австрией, Пруссией и другими), в которых прежде проводилась политика просвещенного абсолютизма. Этот феномен стал одним из долговременных и значительных последствий реформ просвещенного абсолютизма.

Вслед за Токвилем и Сорелем реформы просвещенного абсолютизма представлялись историкам "Русской школы" как один из двух альтернативных вариантов становления буржуазных отношений в странах Западной и Центральной Европы. Вторым вариантом выступала буржуазная революция. Реформы просвещенного абсолютизма и буржуазная социальная революция были, с их точки зрения, явлениями, порождаемыми одним комплексом причин. Ученые считали, что континентальные европейские страны переживали во второй половине XVIII века идентичный кризис, разрешение которого могло произойти либо снизу, через революционные преобразования, либо сверху, опережающими действиями государства. Они находили много общего в преобразованиях, совершенных просвещенными реформаторами и деятелями французской революции, особенно в ее первый конституционно-монархический период. Просвещенные монархи, писал Кареев: были "как бы предшественниками революции, поскольку и они, и революционные деятели иногда ставили одни и те же задачи и исходили из одних и тех же идей" [10, т. 2, с. 2]. Цели, набор намечаемых преобразований у политики просвещенного абсолютизма и социальной революции были близкие, но пути их достижения разные. Просвещенные монархи и их министры использовали путь "реформ сверху", при котором народные массы выступали в качестве пассивного исторического материала. Революционеры, наоборот, опирались на массовые народные движения. Выбор одного из этих путей зависел от степени вызревания объективных предпосылок перемен, готовности к ним общественного сознания. Исключительно большое значение при этом приобретала способность правящих элит поступиться привилегиями, осознать народные нужды, облегчить положение социальных низов, начать назревшие реформы. Эгоизм имущих классов оборачивался ответным народным бунтом, и страна скатывалась к революционной катастрофе.

Российские исследователи просвещенного абсолютизма второй половины XIX - начала XX века расширили проблематику исторических исследований, совершенствовали их методику.

Государство и политическая история по-прежнему находились в центре внимания историков, но гораздо больше внимания стало уделяться социальным и экономическим факторам, в том числе эволюции форм собственности (Луцицкий, Кареев). Происходил переход от простой описательности к проблемному изложению, последовательному освещению теоретических проблем. Стало меньше внимания уделяться изложению внешней канвы событий, нарративно-мемуарному рассказу о личностях просвещенных монархов, нравах и обычаях.

Расширилась источниковая база исследований. Использование документов зарубежных архивов вошло в обычную и даже обязательную практику работы историков. Если раньше ими привлекались в основном государственные акты и юридические документы, то теперь все больше исследования основывались на текущей деловой документации. Луцицкий, исследуя аграрную историю Франции второй половины XVIII века, методично, на протяжении нескольких десятилетий обследовал документы парижского и около тридцати департаментских архивов. Был

собран огромный материал по уплате налогов (особенно "двадцатины"), описям земель, принадлежащих дворянству, церкви и крестьянам. Для анализа накопленных материалов исследователем были использованы самые современные методики статистического анализа. В основу магистерской диссертации Кареева легли сведения, извлеченные из "картонов" Национального архива Франции. Монография Митрофанова, посвященная Иосифу II, основывалась на документах, отобранных автором в архивах Берлина, Дрездена, Дармштадта, Парижа, Граца, Вены, Пешта и Брюсселя. Впечатляет только перечисление использованных источников. Это правительственные указы и распоряжения, переписка Иосифа II и его современников, законодательные акты, деловая документация присутственных мест, доклады чиновников, полицейские отчеты, донесения иностранных послов, газеты, памфлеты, мемуары.

Авторы революционного направления российской исторической мысли Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, П.Л. Лавров, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин не внесли значительного вклада в изучение политики просвещенного абсолютизма. Никто из них не оставил специальных работ, ей посвященных. Их интересовали, прежде всего, вопросы революционного преобразования общества, реформаторская деятельность представлялась им не более чем паллиативом, отвлекающим народные массы от задач разрушения феодализма и абсолютизма. Характерно, например, что в рецензии на книгу С. Муравьева "Тюрга, его ученая и административная деятельность" Чернышевский сосредотачивал внимание на показе преимуществ революционной альтернативы перед намечаемыми французским реформатором постепенными преобразованиями. Революционный демократ иронизировал над просвещенным министром: "Можно ли не посмеяться над простяком. Разумеется, если бы ему удалось совершить все эти преобразования, не было бы революции. Но, спрашивается, откуда бы он взял силу сделать, хотя собою часть того, что хотел сделать" [29, с. 666].

Плеханов наиболее глубоко из русских революционеров - теоретиков знал реалии зарубежного восемнадцатого века. Он искал в них примеры, подтверждавшие верность марксистской социологической теории, решающей роли в истории экономического фактора. Полемизируя с современниками, преувеличивавшими роль личности в истории, Плеханов обращался к деятельности просвещенных монархов Марии - Терезии, Фридриха Великого. На их примере он доказывал, что "характер личности является "фактором" общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения" [22, с. 322].

С марксистских позиций Плехановым был дан анализ классовой природы просветительской доктрины, использованной монархами для обоснования их политики. Он убедительно показал неизбежность ее умеренного реформистского характера. Плеханов писал: "Французский народ... в то время был еще мертвой и инертной массой, следовательно, оставалась только философствующая и либеральная буржуазия... Разве "все мыслявшие" в совокупности очень многочисленны? Можно ли было их рассматривать как политическую силу, способную встряхнуть общество сверху донизу? Философам было хорошо известно, что это не так; поэтому они постоянно возвращались к своей мечте о "мудреце на троне" [23, с. 67]. Самого понятия "просвещенный абсолютизм", впрочем, Плеханов не использовал.

Литература

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII - первая половина XIX в.). М., 1985.
2. Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774 - 1789 годы. Т. 1. СПб., 1900. Т. 2. Киев, 1906.
3. Афанасьев Г.Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрга и их значение. Одесса, 1884.
4. Афанасьев Г.Е. Условия хлебной торговли во Франции в конце XVIII века. СПб., 1892.
5. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования. 1991. № 7.
6. Герье В.И. Введение в историографию Французской революции. М., 1873

7. Герье В.И. Идея народовластия и французская революция 1789 года. М., 1904.
8. Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 2008.
9. Герье В.И. Новая история: лекции 1876 - 1877 учебного года. Литографированное издание. М., 1877.
10. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 1 - 7. СПб., 1893.
11. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. В 2 т. Т. 2. М., 1883.
12. Кареев Н.И. Философия истории // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 35. СПб., 1902.
13. Кирсанова Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск, 2003.
14. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т. 1 - 4. М., 1895 - 97.
15. Кони Ф. История Фридриха Великого. М., 1997.
16. Лекции по новой истории профессора Бауера. Т. 1 - 2. СПб., 1886 - 1888.
17. Лучицкий И.В. Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ. Киев, 1896; Лучицкий И.В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции: (преимущественно в Лимузене). Киев, 1900; Лучицкий И.В. Крестьяне и крестьянская реформа в Дании XVI - XVIII в.в. // Северный вестник. 1890. № 12. С.85 - 161; Лучицкий И.В. Крестьяне в Западной Европе // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 16-а. СПб., 1895. С. 659 - 675.
18. Митрофанов П.П. Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и её враги. 1780 - 1790. СПб., 1907; Митрофанов П.П. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика. Т. 1. Ч. 1. Пб., 1916.
19. Муравьев Н.М. Об "Истории" Карамзина // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М., 1951.
20. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960.
21. Петров М.Н. Лекции по всемирной истории. Т. 4. История нового времени (От Вестфальского мира до конвента). СПб., 1913.
22. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1956.
23. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1956.
24. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1949.
25. Соловьёв С.М. Европа в конце XVIII века // Сочинения. Книга 22, дополнительная. М., 1998.
26. Соловьёв С.М. История падения Польши // Сочинения в 18 кн. Кн. 16. М., 1998.
27. Соловьёв С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Сочинения в 18 кн. Кн. 16. М., 1998.
28. Сорель А. Европа и французская революция. Т. 1. Политические нравы и традиции. СПб., 1892.
29. Чернышевский Н.Г. Тюрго // Избранные экономические произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1948.
30. Шлоссер Ф.Х. Всемирная история. Т. 6. СПб., 1862.
31. Шлоссер Ф.Х. Всемирная история. Т. 1 - 18. СПб., 1861 - 1869.
32. Шульгин В. Я. Курс всеобщей истории для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений. Часть 3. Курс истории новых времён (XVI - XVIII вв.) для высших классов. Киев, 1861.